

Если бы они всё ещё находились в резиденции князя Сяояо, стоило бы только наследнику приказать, и она могла бы сразу пойти объяснить Бай Шуану, что произошло сегодня. Но теперь наследник жил на чужой территории, и каждое его слово и действие требовали тщательного обдумывания. Если Бай Шуан не придёт, это недоразумение так и останется неразрешенным. Что же делать?

Но если бы они не жили на чужой территории, разве наследник приказал бы ей специально сказать те слова, чтобы успокоить Цин Хун?

Чжу Юэ, подумав об этом, невольно вздохнула, опустила веки и продолжала массировать свои колени, готовясь вскоре войти и разыграть перед Цин Хун, которая служила в комнате, сцену, где она признает свою ошибку и просит прощения у наследника. В этот момент её взгляд скользнул за ворота двора.

Увидев мелькнувшую белую тень, она замерла.

Нечаянно заметив этот белый силуэт через щель, Цзян Лююй, державший кисть, слегка вздрогнул, и на бумаге под его рукой появилось несколько клякс. Цин Хун, следившая за его действиями, удивлённо посмотрела на него, а затем, после небольшой паузы, последовала его взгляду.

— Уходи, тебе больше не нужно растирать тушь.

Через мгновение Цин Хун, не веря своим глазам, увидела белую фигуру, медленно приближающуюся к ним. Услышав приказ наследника, она поспешила скрыть удивление в глазах, низко поклонилась и положила тушь:

— Да, наследник.

Цзян Лююй, видя, как он подходит всё ближе и ближе, почти к самому окну, слегка согнул пальцы и, глядя на человека за окном, тихо приказал:

— Чжу Юэ, ты тоже уходи.

Чжу Юэ, уставившись на человека в белом с ужасным шрамом на лице, наконец опомнилась, низко поклонилась и, следуя за Цин Хун, ушла в тёмный коридор, вскоре исчезнув из поля зрения Цзян Лююя.

Бай Миньюй стоял на ступеньках, его лицо было скрыто темнотой, только глаза, напоминающие дымчатый янтарь, светились слабым светом. Белые одежды развевались на ветру, его стройная и хрупкая фигура казалась такой лёгкой, что Цзян Лююй даже подумал, что если он не протянет руку и не схватит его, то человек перед ним скоро исчезнет.

С момента их последней встречи прошло уже больше десяти дней. Теперь, глядя друг на друга, Цзян Лююй спокойно осмотрел его и заметил, что его лицо больше не было болезненно бледным, хотя он всё ещё выглядел слабым. Видимо, лихорадка прошла, но внутренние повреждения, полученные в тот день в пруду, ещё не зажили.

Он сжал губы, не решаясь первым заговорить, и опустил глаза, чувствуя, что если он ещё немного посмотрит в эти чистые глаза, то не сможет удержаться и начнёт объяснять сцену, которую они разыграли с Чжу Юэ в полдень.

В этот момент он вдруг почувствовал странное чувство вины.

— На улице холодно.

После нескольких мгновений молчания Цзян Лоюй повернулся к двери, открыл её наполовину и тихо сказал:

— Заходи, поговорим.

Бай Миньюй молча стоял на месте, глядя на Цзян Лоюя, который скрывался в свете лампы, его красивое лицо то появлялось, то исчезало в тени. Его пальцы, спрятанные в рукавах, не показывали, сжаты они или расслаблены, но глаза, напоминающие дымчатый янтарь, в этот момент словно покрылись тонким слоем света, придавая ему теплоту.

Когда Бай Миньюй вошёл, Цзян Лоюй спокойно сел за стол, оставив чашку горячего чая на столе, словно признавая его присутствие. Его пальцы бессознательно провели по столу, коснувшись нефритовой бутылочки в углу, и он взял её в руку, слегка потряс.

Бай Миньюй молча стоял у двери, его взгляд был прикован к сидящему за столом человеку. Внезапно он опустил глаза и тихо произнёс первые слова:

— Я пришёл, чтобы просто увидеть наследника.

Его голос был низким и хриплым, из-за не до конца залеченных ран он звучал слабо, но при этом был удивительно приятным, завораживающим. Цзян Лоюй, который только что держал бутылочку, резко сжал пальцы, и на его губах появилась лёгкая улыбка. Подняв голову, он посмотрел на него и серьёзно сказал:

— Не обращай внимания на те слова.

В этот момент он вдруг осознал, что с момента входа Бай Миньюй непрерывно смотрел на него. Хотя его лицо оставалось бесстрастным, глаза, напоминающие дымчатый янтарь, светились спокойствием, словно излучая внутренний покой.

Цзян Лоюй глубоко вздохнул, поняв, что человек перед ним больше не думает о дневном инциденте. Почему-то он почувствовал облегчение и хотел положить бутылочку обратно на стол, но прежде чем он успел это сделать, услышал:

— Мазь ледяной кожи и нефритовых костей — это она?

Не успел Цзян Лоюй кивнуть, как Бай Миньюй встал, взял бутылочку из его руки, слегка приоткрыл крышку и, наклонив голову, посмотрел на розовую мазь, поднес её к носу и понюхал.

Цзян Лоюй, наблюдая за его действиями, улыбнулся, и в его глазах появилась усмешка:

— Что, хочешь?

Бай Миньюй не ответил, просто опустил голову, снова закрыл бутылочку и крепко сжал её в руке, его пальцы побелели от напряжения. Волосы закрывали его лицо, и когда Цзян Лоюй поднял глаза, он почти не мог разглядеть его выражение.

После паузы Цзян Лоюй, видя, как он крепко держит бутылочку, улыбнулся с долей насмешки и скрытой жестокости:

— Жаль, но эта бутылочка стоит тысячу золотых, я не могу отдать её тебе. Оставлю себе.

Нет.

Эта мазь не для него.

Она специально для Цзян Хуэй.

Он знал её лучше, чем кто-либо, за две жизни.

Цзян Хуэй была двуличной.

Она показывала себя милой и красивой перед старшими и посторонними, а вблизи мужчины могли восхищаться её изяществом и очарованием. Лучшим примером был Нань Цзинлун. Но чем прекраснее она казалась, тем ужаснее была её истинная сущность.

Цзян Хуэй была очень похожа на свою мать, госпожу Чжэнь — подозрительная, вспыльчивая, жестокая.

Чтобы заставить Цзян Хуэй пойти на крючок, иногда приходилось идти на жертвы.

Как, например, эта бутылочка мази.

Чтобы другие поверили, нужно было показать пример, не так ли?

Цзян Лоюй протянул руку, чтобы взять бутылочку, но в этот момент Бай Миньюй резко поднял голову. Его глаза, напоминающие дымчатый янтарь, были полны тени, словно он задавал немой вопрос. Его голос стал ещё ниже, и в нём появилась непонятная злость:

— Ты сделал это специально, да?

— Специально? — Цзян Лоюй, глядя на его прямой взгляд, почувствовал, как сердце пропустило удар, пальцы слегка дрогнули, но улыбка не исчезла. — Что именно?

Бай Миньюй не ответил, только смотрел на него, его пальцы, сжимающие бутылочку, побелели ещё больше. Цзян Лоюй, стоявший рядом, уже слышал, как бутылочка скрипела от силы, с которой он её сжимал. Он вздохнул, и в его улыбке появилась горечь:

— Я думал, что в этом доме никто не знает, что это за запах... Но, похоже, я недооценил наложницу Бай и тебя.

Как вам вчерашняя двойная глава и сегодняшние три тысячи слов? Вам понравилось? Вам понравилось? Во всяком случае, я и мои запасы глав в восторге, эти дни я пишу как черепаха, за вечер могу выдать только две тысячи слов, это так стыдно, плачу-плачу QAQ

<http://bllate.org/book/17692/1651000>